

хранил молчание и казался взволнованным. Видя его в таком настроении, мы также замолчали. Наконец, он заговорил: «Хвала Аллаху, и привет нашему пророку! Вам известно, что в эту минуту вы составляете оплот исламизма и его единственную защиту; вы знаете, что в ваших руках кровь мусульман, их имущество и их семейство; без нас для неприятеля не было бы никакой преграды. Если чего да избавит Аллах вы потеряете свое мужество, тогда для нас все кончено; христиане перевернут всю страну и поставят ее вверх дном, как ангел Сирил в день суда закроет книгу человеческих деяний. На вас лежит ответственность; почему я и выбрал вас из всех мусульман, чтобы вы содержались на их счет. Исламизм ждет от вас своего спасения. Вот все, что я хотел вам сказать». Тогда встал Машгуб и говорил: «О наш властитель! Мы твои слуги и рабы. Мы хорошо тебе служили; ты дал нам высокие звания, ты осыпал нас благодеяниями; все, что мы имеем, мы получили от тебя; своего у нас только головы, и они отданы на службу тебе. Именем Аллаха! Ни кто из нас не поколеблется защищать тебя даже до смерти». Эти слова укрепили Саладина; все эмиры говорили то же самое. Лицо султана прояснилось, сердце его разверзлось, и он приказал дать нам поесть. Таким образом, было решено защищать Иерусалим до конца; но после совета, когда его определения сделались известны, мамелюки султана оказали сильное сопротивление; они собрались с шумом около Госамуддина и разразились жалобами. «Это определение безрассудно, — говорили они.

Если мы пачем защищать Иерусалим, то произойдет то же, что было при осаде Акры; так мы совсем уроним исламизм; лучше попытаться счастье битвы и дойти до общего дела. Если Аллах нам дарует победу, неприятель погиб, и мы лишим его даже и тех мест, которыми он владеет; если же мы будем побеждены, тогда нам не будет дела до Иерусалима и нас успокоят. Притом разве исламизм был менее славен, когда мы не владели этим городом? Если желают, чтобы мы остались здесь, то пусть с нами останется султан или кто-нибудь из его семейства; иначе курды не захотят повиноваться

туркам, а турки курдам, и осажденные разделятся между собой». Это обстоятельство причинило султану неопределимое горе. Он придавал огромную цену владению святым городом, цену, которой нельзя постигнуть никаким воображением. Поэтому пусть судят о печали, которую он тогда испытал. Одну минуту он имел мысль запереться самому в Иерусалиме; потом, по представлению своих эмиров, он остановился на том, чтобы оставить в городе одного из своих племянников. Между тем им овладела великая печаль; мы заметили это вечером, когда по обычаю собрались у него; он был задумчив и не так весел, как обыкновенно. После вечерней молитвы, когда было очень поздно и все разошлись, он дал мне знак остаться. Мы провели ночь вместе; я считаю эту ночь, проведенную на службе Аллаху, как самую достопамятную. На следующий день утром я говорю ему: «Мне пришла на ум мысль. Когда находишься в затруднении, следует употребить все возможные средства, чтобы выйти из нее; и когда нет средств земных, необходимо прибегнуть к Аллаху, который всегда готов помочь. Сегодня пятница, день благословенный, когда Аллах исполняет просьбы молящихся; мы находимся теперь в месте самом святом на земле (в Иерусалиме), почему бы султану не очиститься? Почему бы ему не сделать в тайне обильной милостыни? Почему бы не обратиться с горячими обетами к Аллаху и не вручить ему ключ от своих дел, сознавая в своем бессилии преодолеть настоящую опасность? Я уверен, что Аллах придет к нему на помощь и исполнит его молитву». Султан, оказалось, имел твердую веру и полное упование. Когда настал час молитвы, мы отправились вместе в мечеть Алакса, где он совершил молитву, распростершись на земле и заливаясь слезами. День закончен был милостыней. Вдруг вечером, когда мы снова обратились у султана, с передовых постов явилась записка, извещавшая, что христианская армия отступает. На следующий день мы узнали, что в ту минуту, когда пужбо было решить дело, вожди христианской армии разделились. Французы требовали идти вперед и начать приступ, говоря, что они для